

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль)/специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе»

Обучающийся

В.В. Иванов

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Т.В. Мычак

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Достижение назначения уголовного судопроизводства является приоритетной целью всего комплекса процессуальных действий, реализуемого в ходе производства по уголовному делу.

Эффективность такой деятельности зависит от многих составляющих, но одним из главных элементов таковой выступает объективное и профессиональное участие в производстве по уголовному делу такого субъекта, как прокурор.

Его функции, определяющие ключевую направленность процессуальной деятельности, продолжают оставаться в центре внимания учёных и практиков, и это не случайно.

Цель исследования: подвергнуть процессуальному анализу уголовное преследование в качестве функции прокурора в современном российском уголовном судопроизводстве.

Проблемы, связанные с функциями прокурора в уголовно-процессуальной деятельности, поднимались в работах различных специалистов как советской, так и современной уголовно-процессуальной науки. Можно выделить труды таких авторов как: О.Я. Баев, Н.П. Кириллова, Ю.В. Корневский, В.Ф. Крюков, В.А. Лазарева, М.С. Строгович, О.В. Химичева, А.Н. Шевчук, Ф.М. Ягофаров и других.

Структура исследования: выпускная квалификационная работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы и семь отдельных параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Понятие и функции прокурора в уголовном процессе России	7
1.1 Понятие прокурора, как участника уголовного судопроизводства	7
1.2 Общая характеристика функций прокурора в уголовном судопроизводстве.....	11
Глава 2 Реализация прокурором функции уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса	23
2.1 Проблемы нормативной регламентации и реализации полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием в досудебном производстве.....	23
2.2 Реализация полномочий прокурора, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве.....	31
Глава 3 Реализация прокурором функции уголовного преследования в судебном производстве.....	41
3.1 Подготовка прокурора к участию в судебном заседании.....	41
3.2 Деятельность прокурора по поддержанию обвинения в судебном следствии	45
3.3 Участие прокурора в судебных прениях	52
Заключение	58
Список используемой литературы и используемых источников.....	64

Введение

Актуальность исследования. Достижение назначения уголовного судопроизводства, сформулированного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [55] (УПК РФ) является приоритетной целью всего комплекса процессуальных действий, реализуемого в ходе производства по уголовному делу.

Эффективность такой деятельности зависит от многих составляющих, но одним из главных элементов таковой выступает объективное и профессиональное участие в производстве по уголовному делу такого субъекта, как прокурор.

Его функции, определяющие ключевую направленность процессуальной деятельности, продолжают оставаться в центре внимания учёных и практиков, и это не случайно.

Процессуальная роль прокурора, как участника уголовного судопроизводства, как отмечено Т.К. Рябининой, «не перестает быть в центре внимания юристов как в связи с многообразием осуществляемых им функций в ходе производства по уголовному делу, так и ввиду того, что прокурор в отличие от других участников процесса – постоянно действующая и влиятельная фигура. Он вступает в уголовный процесс на самых ранних его этапах – с момента получения сведений о совершенном или готовящемся преступлении и участвует фактически на всех стадиях уголовного процесса» [49, с. 18].

Актуальность научного исследования обусловлена как недостатками и фрагментарностью процессуального регулирования осуществления уголовного преследования, так и многочисленными проблемами правоприменительной практики, в русле реализации прокурором функции уголовного преследования.

Цель исследования: осуществить комплексный анализ процессуальной функции уголовного преследования, адресованной прокурору, как участнику российского уголовного судопроизводства.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие прокурора, как участника уголовного судопроизводства и его процессуальных функций;
- обозначить проблемы нормативной регламентации и реализации полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием в досудебном производстве;
- проанализировать вопрос реализации полномочий прокурора, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве;
- охарактеризовать вопросы реализации прокурором функции уголовного преследования в судебном производстве;
- обосновать сформулированные выводы и предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, выдвинутые в качестве способа оптимизации уголовно-процессуальной деятельности и повышения качества реализации функции уголовного преследования в деятельности прокурора.

Объект исследования: общественные отношения, которые складываются в процессе реализации прокурором функции уголовного преследования в рамках уголовного судопроизводства.

Предмет исследования: нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, а также материалы правоприменительной практики, связанные с различными аспектами процессуальной регламентации длительности прокурора в досудебном и судебном производстве по уголовным делам.

Методология исследования: в основе проведенного научного анализа – ряд общих и частных методов научного познания: структурно-логический метод, метод системного анализа правовых норм и т.д.

Степень разработанности темы исследования. Проблемы, связанные с функциями прокурора в уголовно-процессуальной деятельности, поднималась в работах различных специалистов как советской, так и современной уголовно-процессуальной науки. Можно выделить труды таких авторов как: О.Я. Баев, Н.П. Кириллова, Ю.В. Корневский, В.Ф. Крюков, В.А. Лазарева, М.С. Строгович, О.В. Химичева, А.Н. Шевчук, Ф.М. Ягофаров и других.

Структура исследования: выпускная квалификационная работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы и семь отдельных параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и функции прокурора в уголовном процессе России

1.1 Понятие прокурора, как участника уголовного судопроизводства

В первую очередь, необходимо отметить, что процессуальный статус прокурора на любых этапах производства по уголовному делу, находит своё отражение в различных положениях действующего уголовно-процессуального законодательства.

Тем не менее, в качестве основополагающей нормы, содержание которой закладывает общую основу процессуального статуса анализируемого субъекта, следует считать ст. 37 УПК РФ.

Само размещение данной уголовно-процессуальной нормы в главе 6 раздела II УПК РФ, красноречиво свидетельствует о месте и роли прокурора среди широкого спектра субъектов уголовно-процессуальной деятельности – прокурор неизменно является участником со стороны обвинения.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Следует сказать, что абсолютно все участники уголовного судопроизводства, которых законодатель включил в содержание упомянутого раздела II УПК РФ, являются носителями той, или иной процессуальной функции, содержание которой обуславливает наличие процессуальных прав, обязанностей и полномочий.

Это определённые «процессуальные роли», которые предусмотрены законодателем для успешного достижения назначения уголовного судопроизводства. В производстве по уголовному делу, в соответствующей процессуальной роли, может принимать участие субъект, отвечающий тем

требованиям, которые предъявляет соответствующая процессуальная роль. В наибольшей мере это важно для тех участников уголовного судопроизводства, которые наделены законом властными полномочиями.

Поэтому важно правильно определить, кто именно может выступать в уголовно-процессуальном производстве, приобретая процессуальные правомочия.

Как это указывается в ч. 31 ст. 5 УПК РФ, раскрывающей содержание используемых процессуальных понятий, к категории «прокурор», законодатель относит «Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями Законом о прокуратуре».

Таким образом, категория «прокурор», которой оперирует законодатель в нормах уголовно-процессуального законодательства, применима к целому ряду должностных лиц органов прокуратуры РФ.

В зависимости от конкретного уголовного дела, в указанном процессуальном статусе в его производстве может принимать участие достаточно широкий круг субъектов, приобретая тот объем процессуальных полномочий, который адресован прокурору в нормах УПК РФ.

Нормы упомянутого Федерального закона от 17.01.1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации» [59], применимы лишь в той мере, в которой не вступают в противоречие с положениями уголовно-процессуального законодательства.

Процессуальный статус прокурора обладает рядом специфических особенностей.

Как указывает В.Ф. Крюков, с одной стороны, «прокурор – это единственное должностное лицо, которое реализует свои полномочия на всех этапах и стадиях уголовного процесса, с другой – данная деятельность реализует публичный процессуальный интерес, направленный на охрану как

прав и интересов государства, так и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства» [20, с. 28].

Действующий УПК РФ конкретизирует два наиболее общих и обширных направления деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве:

- осуществление от имени государства уголовного преследования в порядке и в пределах компетенции, определяемой уголовно-процессуальным законодательством;
- осуществление от имени государства надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Определённый дуализм в представлении процессуальных функций прокурора не является современным «изобретением» российского законодателя. Подобная интерпретация функционального назначения прокурора основывается на базовом представлении о роли прокурора в комплексе государственно-властных отношений в досудебной и судебной деятельности. Сходное представление о направленности прокурорской деятельности закладывалось не только в советском периоде, но ещё в нормах отечественного уголовно-процессуального законодательства дореволюционного этапа развития российского государства и права.

Так, Н.В. Муравьев указывал: «являясь обвинителем, прокурор как орган правительства обязан преследовать преступления в общественных интересах; но, будучи в то же время блюстителем закона, он ведёт это преследование во имя закона, исключительно для раскрытия истины, и притом так, что до суда на нем лежит беспристрастное участие в предварительном исследовании, а на суде, где прокурор уже действует в качестве настоящего обвинителя, права его уравниваются правами подсудимого, хотя и здесь прокурору воспрещается всякая односторонность и всякое увлечение в пользу обвинения» [13, с. 105].

Современные российские процессуалисты считают, что процессуальная роль прокурора как участника уголовного судопроизводства на досудебных стадиях определяется: «необходимостью соединения задач обвинительной и правоохранительной (правозащитной) деятельности при производстве предварительного расследования уголовных дел, а также обязанностью государства обеспечивать в уголовном судопроизводстве на его досудебных стадиях беспристрастность, непредвзятость, состязательность и процессуальную ответственность всех участников досудебного производства» [20, с. 29].

Значительному переосмыслению процессуальные полномочия прокурора подверглись пятнадцать лет назад в связи с принятием Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ [58], который привнес существенное сокращение полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, с одновременным усилением спектра надзорных полномочий.

В итоге, прокурором были утрачены, казалось бы, традиционные процессуальные полномочия, которыми данный участник уголовного судопроизводства обладал и в советском, и постсоветском уголовном судопроизводстве.

Речь идёт о возможности самостоятельно возбуждать уголовные дела, осуществлять расследование уголовного дела, обладая законной возможностью полностью самостоятельно и, в достаточной мере обособленно, осуществить производство любого следственного действия и т.д.

Таким образом, как указывается отдельными специалистами, «сохранив за прокурором в досудебном производстве одну из ключевых ролей, законодатель предусмотрел и ряд существенных ограничений (по сравнению с ранее обозначенными в законе) процессуальных возможностей, связанных с осуществлением уголовного преследования» [8, с. 91].

Далее необходимо определить понятие процессуальной функции, как таковой и содержательно проанализировать процессуальные функции,

реализуемые в ходе уголовно-процессуальной деятельности, применительно к прокурору.

1.2 Общая характеристика функций прокурора в уголовном судопроизводстве

Следует констатировать, что по вопросу интерпретаций уголовно-процессуальных функций в современной науке отсутствует единство мнений.

По мнению известного советского процессуалиста М.С. Строговича «уголовно-процессуальная деятельность – сложная деятельность, сложная в том смысле, что она имеет определенные стороны, определенные направления, не совпадающие друг с другом и не поглощаемые друг другом. Эти отдельные стороны уголовно-процессуальной деятельности называются уголовно-процессуальными функциями» [51, с. 188].

Данная точка зрения поддерживается В.М. Савицким, который в своём исследовании указывал, что «функция характеризуется именно направлением деятельности» [50, с. 42].

Подобный вывод делает и А.М. Ларин, который считал, что «уголовно-процессуальными функциями называют предусмотренные законом направления, виды процессуальной деятельности, различаемые с точки зрения непосредственных правовых целей» [27, с. 75].

Иное мнение высказано Н.А. Якубовичем, который понимает уголовно-процессуальную функцию как «осуществляемую участниками уголовного процесса деятельность» [69, с. 15].

Тем не менее, такой подход не отвечает задачам определения сущностной составляющей исследуемой категории. Определение процессуальной функции через процессуальную деятельность стирает грань, находящуюся между ними и привносит ещё больше вопросов, так как не позволяет отделить одно от другого.

В этой связи, заслуживает наибольшей поддержки точка зрения, в соответствии с которой процессуальная функция определяется в качестве ключевой направленности процессуальной деятельности участника уголовно-процессуальных отношений.

Функция, реализуемая тем или иным субъектом уголовно-процессуальных отношений, без сомнения, является одной из определяющих, относительно его статуса, поскольку позволяет выявить вектор его процессуальной активности и соотнести с ним установленный уголовно-процессуальным законодательством объём процессуальных прав и обязанностей.

Как в этой связи отмечается специалистами, «правильное определение процессуальной функции позволяет определить оптимальный правовой статус данного участника, правильно установить весь комплекс его обязанностей и прав, призванных обеспечить реализацию его функций, а, следовательно, и выполнение им своих задач. Функция определяет процессуальное положение лица, ею наделенного. Процессуальные функции являются связующим звеном между задачами и правовым положением участника процесса» [53, с. 28].

Справедливо суждение о том, что благодаря реализуемой функции конкретным участником уголовного судопроизводства, становится возможным определить его место и роль среди других процессуальных субъектов – не случайно законодатель положил в основу разделения участников уголовного судопроизводства в разделе II УПК РФ именно базовую процессуальную функцию, что усматривается в рубрикации раздела по главам.

По мнению известного советского процессуалиста М.С. Строговича, «прокурор является исключительно обвинителем, имеющим в суде против себя только сторону защиты» [51 с. 190].

Другие специалисты советского периода, например, В.И. Басков, считали, что прокурор осуществляет исключительно надзорную деятельность: «прокурор, поддерживая государственное обвинение в суде и давая

заключение по делу, выполняет исключительно функции по осуществлению надзора за соблюдением законности» [6, с. 30].

Третья группа процессуалистов (в частности, Н.Н. Полянский, Р.Д. Рахунов, М.Л. Шифман), выражала уверенность в том, что прокурор реализует две процессуальные функции: надзор за законностью и поддержание обвинения.

Подобный спектр различных мнений был обусловлен, в первую очередь, тем, что УПК РСФСР 1960 г. [56], в отличие от действующего УПК РФ, не содержал отдельной нормы, посвящённой процессуальному положению прокурора и не конкретизировал реализуемую прокурором функцию.

О функциональной направленности деятельности прокурора в советском уголовном процессе можно сделать вывод лишь на основе анализа широкого перечня уголовно-процессуальных норм, содержащих упоминание прокурора, в контексте его полномочий на различных этапах производства по делу. В частности, ст. 25 УПК РСФСР говорит о прокурорском надзоре в уголовном судопроизводстве и, по своему содержанию, по сути, регламентирует надзорную функцию в деятельности прокурора. Однако в целом ряде иных уголовно-процессуальных норм – в частности, касающихся возбуждения уголовного дела, дознания и предварительного следствия (раздел II УПК РСФСР), указываемые полномочия прокурора позволяют увидеть достаточно ярко выраженную функцию уголовного преследования.

В концептуальном плане, законодатель, формулируя нормы действующего УПК РФ, в большей мере конкретизировал функциональную принадлежность полномочий прокурора, хотя и не снял все вопросы, связанные с рассматриваемой сферой.

Также обращает на себя внимание, что вопросы, связанные с функциями прокурора в уголовном судопроизводстве некоторые авторы рассматривают в узком смысле: ограничиваясь лишь судебным производством, тем самым сужая категорию «уголовное судопроизводство». Другие же специалисты подходят к данному вопросу, исходя из широкого толкования категории

«уголовное судопроизводство», анализируя полномочия прокурора и реализуемые им функции.

Представляется правильным вести речь о функциях прокурора применительно к уголовному процессу в целом, включая досудебное и судебное производство.

Анализ формулировки ч. 1 ст. 37 УПК РФ позволяет нам сделать вывод о том, что прокурором реализуется две самостоятельные процессуальные функции:

- уголовное преследование;
- надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Таким образом, современное нормативное регулирование процессуальной деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве позволяет нам выделить две базовые, взаимосвязанные уголовно-процессуальные функции прокурора. Вопрос о том, какая из них является превалирующей и правомерно ли выделять иные (дополнительные) функции в деятельности прокурора – остаётся открытым.

Например, О.Я. Баев, говоря о функциях прокурора в уголовном процессе, выделяет в качестве первостепенной функцию уголовного преследования [5, с. 67].

Другие процессуалисты склонны полагать, что первичной в деятельности прокурора является надзорная функция.

А.Г. Халиулин, считает, что «следует рассматривать надзор в качестве основной функции прокурора, а иные процессуальные функции – в качестве производных функций» [60, с. 85].

Отдельные учёные видят в прокурорском надзоре не просто основную функцию прокуратуры, они определяют её в качестве системообразующей функции: «Все иные направления деятельности прокуратуры обусловлены существованием прокурорского надзора и обеспечивают его эффективность» [10, с. 51].

Несколько иной, «смешанной», является позиция О.В. Химичевой, которая полагает, что на различных этапах производства по уголовному делу приоритет одной функции может переходить к другой: «основной уголовно-процессуальной функцией, для выполнения которой прокурор действует на досудебном производстве, выступает надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия; в то же время, основополагающая уголовно-процессуальная функция – уголовное преследование – на данном этапе для прокурора является дополнительной» [61, с. 11].

Подобная точка зрения высказывается В.В. Трухачевым: «приоритетной в досудебном производстве является именно надзорная функция прокуратуры, трудно не согласиться с теми авторами, которые утверждают, что функция надзора за соблюдением закона – категория более высокого уровня, нежели функция уголовного преследования» [52, с. 196].

Думается, что вести речь о приоритетности и, тем более, подчинённости одной функции, реализуемой прокурором в уголовном процессе, другой его процессуальной функции крайне сложно и вряд ли необходимо.

Не вызывает сомнений значимость обеих базовых составляющих функционала анализируемого участника уголовного судопроизводства.

Что касается выделения дополнительных (факультативных) функций прокурора, то в науке есть точка зрения, в соответствии с которой, прокурор в уголовном процессе реализует, так называемую, «правозащитную» функцию [60, с. 85], или функцию «оказания правовой помощи» [57, с. 195].

Так, Н.П. Кириллова считает, что прокурору в уголовном процессе соответствует правозащитная функция, которой является «деятельность прокурора в пределах предоставленных ему полномочий по выявлению нарушений материальных и процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, допущенных в результате уголовно-процессуальной деятельности как на досудебных стадиях уголовного процесса, так и в ходе производства в суде и их устранению» [15, с. 11].

Думается, что в соответствии с авторскими подходами, продиктованными практическими, или исследовательскими задачами, могут быть выделены факультативные функции прокурора. Более того, такие факультативные функции, могут быть отнесены разным участникам, но в контексте определения базовых процессуальных функций, подход должен основываться на нормативном регулировании процессуального статуса соответствующего субъекта и концептуальном понимании его места и роли во взаимодействии с иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, базовые функции прокурора сводятся к осуществлению уголовного преследования, а также надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

В первую очередь, относительно процессуальной деятельности прокурора, подвергнем исследованию функцию уголовного преследования.

Один из вопросов, который ставится первично, это вопрос соотношения используемых понятий. В частности, можно ли считать «поддержание государственного обвинения» ещё одной смежной процессуальной функцией, которая имеет место, помимо функции, связанной с осуществлением уголовного преследования?

Для того, чтобы сформулировать обоснованный ответ, необходимо верно определить содержание соотносимых категорий.

Нормативное определение понятия «уголовное преследование» содержится в п. 55 ст. 5 УПК РФ: «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

В свою очередь, категория «обвинение» определяется в п. 22 ст. 5 УПК РФ: «обвинение – утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ».

Понимание сущности и содержания категорий, используемых в правовой отрасли должно строиться на основе нормативных определений,

если таковые определены в тексте закона. В данном случае, нормативный подход законодателем обозначен.

Очевидно, что «обвинение» не правомерно определять в качестве процессуальной функции прокурора.

Более того, в науке уточняется, что «обвинение обычно толкуют, как оформленный в соответствующем процессуальном документе тезис о совершении определённым лицом деяния, запрещённого уголовным законом» [29, с. 426].

В свою очередь, в науке предлагается более полное и содержательное определение уголовного преследования.

«Уголовное преследование – это процессуальная деятельность по установлению события преступного деяния, изобличению лица (лиц), его совершившего, с возможным заключением досудебного соглашения между подозреваемым, обвиняемым и прокурором об оказании содействия в раскрытии преступления; формированию материально-правового тезиса обвинения, начиная с выдвижения подозрения, предъявления обвинения, его доказывания, и последующему последовательному продвижению обвинения на этапах досудебного и судебного производства» [20, с. 50] – обоснованно предлагает считать В.Ф. Крюков.

Таким образом, соотношение анализируемых категорий позволяет сделать вывод о том, что они соотносятся между собой, как часть и целое. При этом, категория «уголовное преследование» значительно шире по своему содержанию и включает в себя категорию «обвинение».

Соответственно, основываясь на изложенном, поддержание государственного обвинения наделять статусом самостоятельной функции прокурора представляется безосновательным.

Значение анализируемой функции сложно переоценить, поскольку законодатель выделил институту уголовного преследования отдельную одноимённую главу 3 УПК РФ, что позволяет судить о высокой роли данной функции в общем контексте уголовного судопроизводства.

Обобщая главные элементы содержания уголовного преследования, В.Ф. Крюков делает вывод о том, что «уголовно-процессуальный порядок реализации уголовного преследования, входящий в качестве составной части в российское уголовно-процессуальное право, представляет собой его базовый институт, содержание которого определяется совокупностью правовых норм, характеризующихся определенной однородностью регулируемого предмета уголовно-правовых отношений, раскрывающих обстоятельства изобличения лиц, совершивших преступления, и установления фактических обстоятельств события преступления» [20, с. 51].

Как отмечается специалистами, формами проявления функции уголовного преследования в уголовно-процессуальной деятельности прокурора, могут выступать: «возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, выдвижение подозрения, предъявление обвинения, поддержание обвинения перед судом, уполномоченным рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу» [63, с. 77].

Таким образом, сущностное содержание анализируемого института предопределяется отношениями, которые возникают в ходе инициации производства по уголовному делу и его расследовании, направленном на доказывание всех составляющих предмета преступления. В качестве своего закономерного итога, уголовное преследование предполагает формулирование обвинительного тезиса и поддержания его в суде.

Что касается второй и выделяемых в ч. 1 ст. 37 УПК РФ процессуальных функций прокурора, в науке есть мнение о том, что функцию «надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, правильнее именовать надзор за соблюдением законности» [54, с. 87].

В принципе, более широкая формулировка рассматриваемой функции прокурора в уголовном процессе может быть более уместной в силу ряда моментов.

В частности, указанная функция была обозначена советским законодателем: «Надзор за точным и единообразным исполнением законов Союза ССР, РСФСР и автономных республик в уголовном судопроизводстве осуществляется Генеральным прокурором СССР и подчиненными ему Прокурором РСФСР и нижестоящими прокурорами» (ст. 25 УПК РСФСР).

Подобный оборот, являясь более широким в терминологическом плане, также является и более содержательным, так как не ограничивается лишь рамками надзора за процессуальной деятельностью должностных лиц, осуществляющих расследование. В терминологическом аспекте, в предложенном обороте акцент делается на категории законности, которая, безусловно, является базовой, применительно к деятельности любых должностных лиц, действующих от имени государства. Не случайно принцип законности именуют универсальным общеправовым принципом.

Подобная функция прокурора выделяется в главе 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»: «Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие».

При этом, содержательно ст. 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», посвящённая полномочиям прокурора, относительно упомянутой отрасли прокурорского надзора, таковые не конкретизирует, отсылая к положениям УПК РФ.

По мнению Б.А. Тугутова и Д.И. Прушинского, «функция надзора за соблюдением законности проявляется в формах – выражения позиции при решении вопроса о рассмотрении дела в особом порядке; всесторонней оценки доказательств по делу; выражения позиции при решении вопроса о прекращении судом уголовного дела; правовой оценки промежуточных и итоговых судебных актов» [54, с. 88].

Таким образом, анализируемую функцию прокурора, целесообразно именовать «надзор за соблюдением законности», с учётом сущности данной

функции и её направленности на чёткое соответствие деятельности субъектов обвинения, наделённых властными полномочиями, требованиям законности.

Таким образом, две базовые функции прокурора, о которых последовательно ведёт речь законодатель, можно именовать:

- уголовное преследование;
- надзор за соблюдением законности.

При этом, как уже было отмечено, при всей самостоятельности анализируемых функций, они не изолированы друг от друга и в практической реализации тесно переплетены, обеспечивая целостность функциональной направленности деятельности прокурора, как участника уголовного судопроизводства, наделённого властными полномочиями.

Подобный тезис отстаивает Т.Ю. Цапаева: «целостность категории уголовный процесс обуславливает и целостность функций прокурора на всех стадиях производства по делу: логика требует, чтобы он оставался единым на всех ступенях процесса» [62, с. 21].

С.Н. Алексеев пишет о том, что «надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования не самоцель – надзорная деятельность создаёт основу, которая нужна для качественного уголовного преследования» [2, с. 101].

В.А. Лазарева уточняет: «Для того, чтобы иметь возможность продолжить уголовное преследование в суде, прокурор обязан обеспечить законность предварительного расследования и соблюдение прав всех его участников» [24, с. 393].

Как представляется, обе уголовно-процессуальные функции прокурора неразрывно связаны и тесно переплетены между собой. Вполне очевидно, что благодаря реализации надзорных полномочий прокурор может более эффективно реализовать функцию уголовного преследования.

Данная характеристика взаимосвязи анализируемых функций прокурора можно с уверенностью считать официальной, с учётом того, что она отражается в Приказе Генпрокуратуры России от 28.12.2016 г. № 826 «Об

организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»: прокуратура призвана «обеспечить качественный и эффективный надзор за исполнением законов органами предварительного следствия независимо от их ведомственной принадлежности» [44], при этом, в качестве приоритетного направления деятельности прокуратуры выделяется «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а равно защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения» [44].

Как совершенно верно пишет В.А. Лазарева, «все, что ни делает прокурор на предварительном расследовании, и есть надзор за законностью. Одновременно все это является и уголовным преследованием, направлением расследования в нужное русло, а именно в сторону изобличения виновных в совершении преступления» [26, с. 15].

Таким образом, по итогам первой главы исследования, можно сделать следующие выводы.

Категория «прокурор» применима к целому ряду должностных лиц органов прокуратуры РФ. В зависимости от конкретного уголовного дела, в указанном процессуальном статусе в его производстве может принимать участие достаточно широкий круг субъектов, приобретая тот объём процессуальных полномочий, который адресован прокурору в нормах УПК РФ.

Как это указывается в ч. 31 ст. 5 УПК РФ, раскрывающей содержание используемых процессуальных понятий, к категории «прокурор», законодатель относит «Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры».

Наиболее приемлемой и правильной представляется понимание процессуальной функции, как основного направления уголовно-процессуальной деятельности.

Функция, реализуемая тем или иным субъектом уголовно-процессуальных отношений, без сомнения, является одной из определяющих, относительно его статуса, поскольку позволяет выявить вектор его процессуальной активности и соотнести с ним установленный уголовно-процессуальным законодательством объём процессуальных прав и обязанностей.

Функции прокурора, о которых последовательно ведёт речь законодатель, можно именовать:

- уголовное преследование;
- надзор за соблюдением законности.

Вопрос о том, какая из них является превалирующей и правомерно ли выделять иные (дополнительные) функции в деятельности прокурора – остаётся открытым.

Таким образом, сущностное содержание анализируемого института уголовного преследования предопределяется отношениями, которые возникают в ходе инициации производства по уголовному делу и его расследовании, направленном на доказывание всех составляющих предмета преступления. В качестве своего закономерного итога, уголовное преследование предполагает формулирование обвинительного тезиса и поддержания его в суде.

Значимость функции уголовного преследования вряд ли подлежит сомнению. Примечательно, что законодатель не только включил нормативное определение данной категории в текст УПК РФ, как уже было отмечено, но и посвятил институту уголовного преследования отдельную одноимённую главу.

Процессуальные функции прокурора получают своё реальное воплощение в правоприменительной практике посредством предусмотренных законом полномочий.

Глава 2 Реализация прокурором функции уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса

2.1 Проблемы нормативной регламентации и реализации полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, в досудебном производстве

Основные и наиболее значимые полномочия прокурора в досудебном производстве обозначены в ч. 2 ст. 37 УПК РФ. Соответственно, на данные полномочия прокурора следует обратить внимание, выделяя из них те, что непосредственно направлены на реализацию функции уголовного преследования.

Сразу заметим, что ряд авторов выражает сомнения на предмет наличия адресованных прокурору полномочий, связанных с уголовным преследованием, полагая, что «в отношении прокурора функция уголовного преследования в ходе досудебного производства не реализуется. Для этого у него нет надлежащих полномочий» [66, с. 192].

Действительно, как уж было отмечено ранее, при изменении концепции прокурорских полномочий в уголовном судопроизводстве произошло их весьма существенное сокращение.

Как считает А.Н. Шевчук, «влияние прокурора в Российской Федерации на ход уголовного преследования, осуществляемого следователем, минимально, если учесть, что следователь вправе обжаловать требования прокурора, не исполняя их» [66, с. 192].

Тем не менее, прокурор сохранил ключевые руководящие полномочия в отношении дознавателя. Они направлены на контроль за процессуальной активностью данного участника уголовного процесса, связанную с осуществлением уголовного преследования. Соответственно, прокурору доступна возможность достаточно активно такую корректировку производить,

поскольку требования прокурора, адресованные дознавателю, обязательны к исполнению последним.

Как представляется, для столь категоричных суждений оснований недостаточно. Ряд полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, реализуются им непосредственно, а отдельные полномочия имеют опосредованную (например, через следователя или дознавателя) форму реализации.

Не имея возможности самостоятельно возбудить уголовное дело, на основании п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор может «выносить мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства».

Насколько эффективна такая опосредованная форма – вопрос открытый. Показательным является то, что даже по прошествии 15 лет с момента сокращения процессуальных полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве, со страниц научных публикаций продолжают звучать призывы о восстановлении, как минимум, части из утраченных им полномочий, для более эффективного участия прокурора, как значимой процессуальной фигуры уголовно-процессуальной деятельности, в достижении задач, связанных с уголовным преследованием.

В науке высказываются мнения, основанные на проводимых опросах сотрудников следствия и дознания, о том, что «прокурор фактически, по-прежнему имеет реальные возможности влиять как на решение вопроса о возбуждении уголовного дела, так и на уголовное преследование, осуществляемое следователем (дознавателем).

Следователи и дознаватели во многих случаях согласовывают с прокурором возбуждение уголовных дел (например, когда есть сомнения относительно их возможной судебной перспективы либо уголовное дело сложное по своим фактическим или правовым обстоятельствам и т. п.). В ходе

дальнейшего расследования нередки случаи согласования с прокурором объема и квалификации предъявляемого обвинения и т.д.» [31, с. 45]

Таким образом, получается, что ряд утраченных прокурором процессуальных возможностей ушло из процессуального русла в фактическую плоскость неофициального, но и не противоречащего закону, организационного взаимодействия прокурора со следователем и дознавателем.

Это может говорить только о востребованности соответствующего процессуального инструментария прокурора, раз ввиду его отсутствия имеет место не предусмотренное законодательно взаимодействие участников уголовно-процессуальной деятельности.

На этапе возбуждения уголовного дела, прокурору соответствуют три группы процессуальных полномочий, связанных с уголовным преследованием:

- осуществление проверки исполнения закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- инициация осуществления доследственной проверки путем направления соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- осуществление проверок законности и обоснованности решений следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, дознавателя о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела с возможностью отмены прокурором данных решений в случае признания их незаконными и необоснованными (п. 5.1 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148 УПК РФ).

Обозначенные группы процессуальных полномочий позволяют сделать вывод о реализации прокурором на стадии возбуждения уголовного дела

функции уголовного преследования в широком смысле, поскольку, как указывает А.Ю. Чурикова, «то есть в виде определения возможности дальнейшего производства по делу, так как именно прокурор в конечном счете определяет – согласиться ему с принятым решением о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела или нет» [63, с. 76].

Существующая процессуальная возможность опосредованного возбуждения уголовного дела путём использования, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ постановления прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании некоторыми специалистами критикуется, как недостаточно эффективная, так как не влечёт обязательного возбуждения уголовного дела – следователь может элементарно отказать прокурору в возбуждении уголовного дела, посчитав, что для этого нет основания.

Прокурор, в соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ, признав отказ следователя в возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным, выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое направляет руководителю следственного органа.

«В этой ситуации действующий УПК РФ не включает в себя каких-либо нормативных препятствий вынесению со стороны следователя ещё одного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. В результате мы потенциально имеем ситуацию, при которой имеющийся механизм может содержать в себе до 5-6 подобных процессуальных циклов, каждый из которых по времени может занимать до двух и более недель. При этом могут быть утрачены важные следы преступления, а в итоге нарушены права лиц, потерпевших от преступления» [47, с. 56] – указывает А.В. Рагулин.

Сложно представить подобное «процессуальное противостояние» субъектов стороны обвинения, реализующих единую уголовно-процессуальную функцию, но, тем не менее, полномочия по возбуждению

уголовного дела прокурором вытекает из комплекса процессуальных полномочий данного участника и их отсутствие объективно критикуется.

Следует отметить, что полномочие прокурора требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 и ч. 6 ст. 37 УПК РФ), названо в УПК РФ, но детально данный вопрос совершенно не проработан – отсутствует указание как на форму такого требования, так и сроки принятия решения.

Сказанное указывает на определённую непроработанность имеющегося процессуального механизма реализации названного полномочия прокурора.

Прокурор не может давать письменные указания следователю, которые определяют дальнейшее направление производства предварительного расследования, но такие полномочия могут быть успешно реализованы, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, применительно к дознавателю.

Представляется важным, что законодатель сохранил за прокурором ключевые руководящие полномочия в отношении дознавателя, которые, как уже было отмечено ранее, направлены на контроль за процессуальной активностью данного участника уголовного процесса, связанную с осуществлением уголовного преследования.

Согласно п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор вправе произвести изъятие любого уголовного дела у органа дознания и осуществить его передачу следователю с обязательным указанием оснований такой передачи. Ему также предоставлено, в рамках п. 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ правомочие изъять любое уголовное дело у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи.

На основании п. 13 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу.

Признав постановление дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и возобновляет производство по уголовному делу (ч. 1 ст. 214 УПК РФ).

Прокурор, как и раньше:

- утверждает обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу (п. 14 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- возвращает уголовное дело дознавателю, следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков (п. 15 ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Отдельные авторы высказываются о том, что действующее уголовно-процессуальное регулирование не предусматривает должных процессуальных возможностей.

«Процессуальная неэффективность имеющихся полномочий прокурора связана с отсутствием у следователя обязанности отчитываться перед прокурором о выполнении положений такого требования, а с другой стороны – с возможностью следственного органа высказывать возражения относительно вынесенных прокурором требований» [9, с. 12] – пишут В.Е. Горюнов и М.А. Алимпьев.

Действительно, существующий процессуальный механизм урегулирования разногласий между следственным органом и прокурором включает в себя сложную и многоэтапную процедуру, создающую бюрократические проволочки в расследовании уголовного дела.

В этой связи, некоторые учёные отстаивают точку зрения об «исключении из норм УПК РФ права следователя на обжалование требования прокурора об устранении нарушений» [30, с. 216].

Таким образом, процессуальная регламентации полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, не является совершенной и не нуждающейся в корректировке, что актуализирует со стороны многих авторов поиск эффективных путей по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования.

В частности, заслуживают вдумчивого анализа предложения, направленные на восстановление у прокурора права самостоятельного возбуждения уголовного дела, ввиду критики существующих на данный момент нормативных положений, позволяющих прокурору опосредованно участвовать в этом важном процессуальном решении.

Что касается вопроса реагирования прокурором на процессуальные нарушения со стороны следователя или дознавателя, связанные с осуществлением уголовного преследования, то имеющийся на данный момент процессуальный порядок, предполагающий возможность вынесения прокурором соответствующего требования, можно расценивать как удовлетворительный и действенный.

Определённые сомнения же вызывает существующий процессуальный механизм обжалования следователем требований прокурора, анализируемый и критикуемый специалистами.

Решение может заключаться в законодательной корректировке существующего порядка: обжалование следователем требования прокурора не должно останавливать его исполнение.

Таким образом, можно поддержать А.П. Кругликова и И.А. Бирюкову в их выводе о том, что «прокурор осуществляет процессуальное руководство уголовным преследованием от имени государства, поскольку прокурор, являясь одной из ключевых фигур досудебного производства, вправе отменять

все итоговые ключевые процессуальные решения органов дознания и предварительного следствия» [19, с. 38].

Тем самым, как пишут специалисты, «прокурор решает вопрос о необходимости, целесообразности и законности уголовного преследования, либо отказа от него» [63, с. 77].

Представляется, что на досудебном производстве прокурор в значительной мере лишён полноценных информационных возможностей, которые являются важной предпосылкой законных и эффективных решений в рамках производства предварительного расследования.

Это не может, в силу объективных причин, не оказывать своего влияния на качество уголовного преследования в досудебном производстве.

Для решения данной проблемы, можно было бы, как минимум, закрепить в УПК РФ процессуальную возможность производить оперативное консультирование прокурором органов предварительного расследования с возможностью дачи указаний о дополнении доказательственной базы в ходе расследования.

Следует согласиться с выводом И.К. Рябенко о том, что «дальнейшее развитие правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве должно быть направлено на определение оптимального баланса между процессуальными полномочиями прокурора и руководителя следственного органа, оптимизация полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования» [48, с. 55].

Очевидно, что для повышения эффективности реализации функции прокурора, связанной с уголовным преследованием, существующие полномочия прокурора следует скорректировать, путём их уточнения и расширения.

2.2 Реализация полномочий прокурора, связанных с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве

Отдельного внимания заслуживает круг вопросов, связанных с реализацией полномочий прокурора, направленных на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Данное полномочие является составной частью процессуальных полномочий прокурора по осуществлению функции уголовного преследования, поскольку связано с установлением причастности конкретного лица к совершению преступления, а также формулированию законного и обоснованного обвинения и продвижению его в рамках судебного производства.

Указанный институт возник в российском уголовном судопроизводстве в 2009 г. и зарекомендовал себя в качестве эффективного средства повышения результативности уголовного преследования, а также скорейшего расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве позволяет создавать дополнительные предпосылки достижения назначения уголовного судопроизводства, обеспечивая, с одной стороны, процессуальную экономию, а с другой – обоснованное привлечение виновного к уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, прокурор в порядке и сроки, которые установлены ст. 221 УПК РФ, рассматривает поступившее от следователя уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также материалы, подтверждающие соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных данным соглашением, и при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в случае утверждения обвинительного заключения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу.

Существующее регулирование данного полномочия и сопряжённых с ним процессуальных действий, как указывается в науке, является далёким от совершенства и нуждается в корректировках.

В соответствии с п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [39] «при рассмотрении вопроса о возможности принятия судебного решения по ходатайству обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке судам надлежит устанавливать, имеются ли по уголовному делу необходимые для этого условия. Согласно требованиям норм главы 40 УПК РФ такими условиями следует считать в том числе обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами; понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме» (п. 2 Постановления).

Отдельные вопросы, связанные с анализируемым процессуальным институтом, нашли своё развитие в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [40].

Обратим внимание на следующее обстоятельство: лицо, на которое направлено уголовное преследование, осознавая ряд преимуществ, которые, с учётом обстоятельств, предполагает заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, заключить таковое непосредственно с прокурором, как ключевым субъектом в данном процессуальном вопросе, не в состоянии. Процессуальный порядок предполагает опосредованное решение данного вопроса.

Ходатайство о заключении анализируемого соглашения, хотя и составляется на имя прокурора, но направляется обвиняемым (подозреваемым) следователю, в производстве которого находится данное уголовное дело, и непосредственно следователь, в течение трёх суток с

момента его поступления (в соответствии с ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ) оценивает состоятельность содержащихся в ходатайстве обязательств лица, связанных с содействием следствию, и принимает процессуальное решение о вынесении постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, или же об отказе в удовлетворении ходатайства обвиняемого о заключении такого соглашения.

Постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с лицом досудебного соглашения о сотрудничестве должно быть мотивированным и быть, помимо всего прочего, согласовано с руководителем следственного органа.

Такой порядок видится, в целом, отвечающим логике, так как именно следователь, осуществляющий расследование дела и осведомлённый о его специфике и особенностях, имеющих доказательства и т.д., в состоянии предварительно оценить состоятельность ходатайства лица, на которого направлено уголовное преследование, о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Однако, положения главы 40.1 УПК РФ не предполагают какого-либо согласования отказа в удовлетворении вышеназванного ходатайства. В итоге, прокурор, при одностороннем отказе следователя в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, от участия в решении данного вопроса абстрагирован и его роль, попросту, нивелирована, несмотря на то, что именно на его имя составлено ходатайство и он, априори, выступает ключевым субъектом заключения рассматриваемого соглашения.

Как указывается в критических публикациях, «прокурор, по сути дела, полностью устраняется от решения вопроса, связанного с обоснованностью отклонения следователем ходатайства лица, на которое направлено уголовное преследование. Если прокурор наделен правом заключить соглашение, то именно ему должно принадлежать и право удовлетворять такое ходатайство,

а не следователю. При этом прокурору не передается никаких материалов, связанных с поданным ходатайством» [4, с. 33].

Подобные суждения высказываются и другими специалистами. Так, в другой публикации отмечается: «безусловно, следователь, как лицо, в производстве которого находится уголовное дело, гораздо лучше прокурора информирован о его обстоятельствах, характере и объёме собранных доказательств, однако прокурор, как должностное лицо, осуществляющее уголовное преследование, не должен зависеть от усмотрения следователя при разрешении вопросов, связанных с уголовным преследованием» [9, с. 15].

Видится очевидным предоставление возможности прокурору, как ключевому субъекту обвинения, полноценно участвовать в разрешении вопросов заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, имея возможность оценивать обоснованность отклонения следователем соответствующего ходатайства лица, на которое направлено уголовное преследование.

Решение данной проблемы может заключаться во внесении изменений в ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ, путём указания на то, что прокурор рассматривает наряду с ходатайством подозреваемого или обвиняемого и постановлением следователя еще и постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения.

Также обращает на себя внимание отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве перечня оснований отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, несмотря на то, что отказ в удовлетворении соответствующего ходатайства должен быть мотивированным – но что должно лежать в основе такой мотивировки, не сформулировано законодателем даже приблизительно.

Подобная процессуальная недосказанность выглядит не вполне последовательной, так как не создаёт внятных ориентиров для должностных лиц стороны обвинения и не способствует единообразию правоприменительной практики в указанном направлении.

Полная детализация всех вопросов, связанных с действиями и решениями должностных лиц стороны обвинения, связанных с досудебным соглашением о сотрудничестве непосредственно в тексте УПК РФ – задача трудоёмкая и нецелесообразная. В УПК РФ должны быть обозначены самые важные, ключевые полномочия и решения, а их процедурная конкретизация вполне может осуществляться на подзаконном уровне. Таким путём идёт законодатель в данном случае – анализируемый ряд вопросов обозначен не только в УПК РФ, но и детализирован в отдельных подзаконных актах, что является достаточно распространённым вариантом регламентации, отвечающим целям и задачам такого регулирования.

Одним из таких документов является Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» [45].

В частности, следует обратить внимание на обозначенный в данном акте Генпрокуратуры РФ алгоритм действий прокурора в ситуации получения им сведений «о несоблюдении подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, что может выразиться в сообщении лицом, на которое направлено уголовное преследование заведомо ложных сведений, отказ от участия данного лица в следственных, и (или) оперативно-розыскных мероприятиях и т.д.» (п. 1.16 Приказа)

При получении данной информации от субъекта, осуществляющего непосредственное расследование уголовного дела, прокурор инициирует прекращение досудебного соглашения, посредством вынесения соответствующего постановления.

Именно следователь при заключении анализируемого соглашения, производит констатацию того, насколько обвиняемый (подозреваемый) добросовестно исполняет принятые на себя обязательства. Это логично, так как именно следователь продолжает осуществлять расследование данного уголовного дела и производить весь спектр обусловленных следственной

ситуацией и обязательствами, вытекающими из обязательств, включённых в соглашения о сотрудничестве, следственных действий. Поэтому контроль со стороны следователя в данном вопросе представляется уместным и обоснованным.

Если следователем, в ходе обозначенного контроля, выявлены нарушения со стороны обвиняемого (подозреваемого), он сообщает о них прокурору, который, в свою очередь, как ключевой субъект в данных процессуальных взаимоотношениях, реагирует имеющимися процессуальными средствами на допущенные лицом нарушения.

Тем не менее, подобный контроль, который служит задачам реализации функции уголовного преследования, в контексте заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, не конкретизирован должным образом, что вряд ли способствует прозрачности процедур и предупреждению возможных процессуальных нарушений.

В отдельных научных публикациях, указывается на наличие «случаев недостаточного контроля за исполнением условий соглашения со стороны прокурора и следователя» [37, с. 127].

Следует согласиться в этой связи с необходимостью организации и производства проверок хода расследования соответствующих уголовных дел, направленных на достижение «осведомлённости прокурора об отсутствии нарушений, связанных с реализацией заключённого досудебного соглашения. Количество проверок должно исходить из фактической необходимости, но целесообразным является проведение не менее трех проверок в течение расследования» [37, с. 128].

Также важной представляется роль прокурора, реализующего функцию уголовного преследования, на этапе передачи уголовного дела с заключённым досудебным соглашением в суд.

На данном этапе прокурор должен установить, что все условия, включённые в текст досудебного соглашения о сотрудничестве, соблюдены

субъектом, на которого направлено уголовное преследование, и нет никаких препятствия для рассмотрения данного уголовного дела в особом порядке.

«При подготовке к судебному разбирательству государственному обвинителю надлежит тщательно изучить материалы дела на предмет исполнения условий соглашения, сопоставить итоговую картину расследования в виде обвинительного заключения с выводами, изложенными в заключениях прокурора о результатах проверок на предмет исполнения досудебного соглашения о сотрудничестве» [18, с. 86] – указывается в публикациях.

Функциональный инструментарий, которым обладает прокурор, позволяет обеспечивать законное и обоснованное применение анализируемого института досудебного соглашения о сотрудничестве и создавая условия для законного и обоснованного привлечения виновного к уголовной ответственности.

Завершая исследование вопросов, касающихся реализации прокурором функции уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного процесса, в рамках второй главы, сделаем следующие выводы.

Вопрос наличия у прокурора непосредственного комплекса полномочий, направленных на реализацию функции уголовного преследования, неоднозначным образом определяется в науке, ввиду того, что при изменении концепции прокурорских полномочий в уголовном судопроизводстве и внесении существенных корректировок в нормы УПК РФ, произошло значительное сокращение процессуального инструментария прокурора именно, касательно, уголовного преследования.

Даже по прошествии 15 лет с момента сокращения процессуальных полномочий прокурора, со страниц научных публикаций продолжают звучать призывы о восстановлении, как минимум, части из утраченных им полномочий, для более эффективного участия прокурора, как значимой процессуальной фигуры уголовно-процессуальной деятельности, в достижении задач, связанных с уголовным преследованием.

Представляется, что ряд утраченных прокурором процессуальных возможностей ушло из процессуального русла в фактическую плоскость неофициального, но и не противоречащего закону, организационного взаимодействия прокурора со следователем и дознавателем.

Это может говорить только о востребованности соответствующего процессуального инструментария прокурора, раз ввиду его отсутствия имеет место не предусмотренное законодательно взаимодействие участников уголовно-процессуальной деятельности.

Существующий процессуальный механизм урегулирования разногласий между следственным органом и прокурором включает в себя сложную и многоэтапную процедуру, создающую бюрократические проволочки.

Процессуальная регламентации полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, не является совершенной и не нуждающейся в корректировке, что актуализирует со стороны многих авторов поиск эффективных путей по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования.

В частности, заслуживают вдумчивого анализа предложения, направленные на восстановление у прокурора права самостоятельного возбуждения уголовного дела, ввиду критики существующих на данный момент нормативных положений, позволяющих прокурору опосредованно участвовать в этом важном процессуальном решении.

Что касается вопроса реагирования прокурором на процессуальные нарушения со стороны следователя или дознавателя, связанные с осуществлением уголовного преследования, то имеющийся на данный момент процессуальный порядок, предполагающий возможность вынесения прокурором соответствующего требования, можно расценивать как удовлетворительный и действенный.

Определённые сомнения же вызывает существующий процессуальный механизм обжалования следователем требований прокурора, анализируемый и критикуемый специалистами.

Решение может заключаться в законодательной корректировке существующего порядка: обжалование следователем требования прокурора не должно останавливать его исполнение.

Представляется, что на досудебном производстве прокурор в значительной мере лишён полноценных информационных возможностей, которые являются важной предпосылкой законных и эффективных решений в рамках производства предварительного расследования.

Это не может, в силу объективных причин, не оказывать своего влияния на качество уголовного преследования в досудебном производстве.

Для решения данной проблемы, можно было бы, как минимум, закрепить в УПК РФ процессуальную возможность производить оперативное консультирование прокурором органов предварительного расследования.

Очевидно, что для повышения эффективности реализации функции прокурора, связанной с уголовным преследованием, существующие полномочия прокурора следует скорректировать, путём их уточнения и расширения.

Полномочие прокурора, направленное на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, является составной частью процессуальных полномочий прокурора по осуществлению функции уголовного преследования, поскольку связано с установлением причастности конкретного лица к совершению преступления, а также формулированию законного и обоснованного обвинения и продвижение его в рамках судебного производства.

В целях совершенствования существующего регулирования, в ч. 1 ст. 317.2 УПК РФ следует указать, что прокурор рассматривает наряду с ходатайством подозреваемого или обвиняемого и постановлением следователя еще и постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения.

Таким образом можно усилить роль прокурора в реализации функции уголовного преследования, в контексте заключения досудебного соглашения

о сотрудничестве, сделав его «более полноценным» участником процессуальных отношений в данном аспекте, и, при этом, создать дополнительные гарантии реализации законных прав лица, на которое направлено уголовное преследование.

Также обращает на себя внимание отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве перечня оснований отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, несмотря на то, что отказ в удовлетворении соответствующего ходатайства должен быть мотивированным – но что должно лежать в основе такой мотивировки, не сформулировано законодателем даже приблизительно.

Функциональный инструментарий, которым обладает прокурор, позволяет обеспечивать законное и обоснованное применение анализируемого института досудебного соглашения о сотрудничестве и создавая условия для законного и обоснованного привлечения виновного к уголовной ответственности.

Глава 3 Реализация прокурором функции уголовного преследования в судебном производстве

3.1 Подготовка прокурора к участию в судебном заседании

«Стадия подготовки дела к судебному разбирательству», как она именуется в науке, является начальным этапом судебного производства, предваряющим рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу.

Как уже было отмечено ранее, сущностное содержание анализируемого института уголовного преследования предопределяется отношениями, которые возникают в ходе инициации производства по уголовному делу и его расследовании, направленном на доказывание всех составляющих предмета преступления. В качестве своего закономерного итога, уголовное преследование предполагает формулирование обвинительного тезиса и поддержания его в суде.

Главенствующая роль в судебном производстве в целом и на этапе подготовки дела к судебному разбирательству в частности, принадлежит суду, как единственному субъекту, наделённому правом рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу, реализовав тем самым назначение уголовного судопроизводства.

Однако, прокурор на рассматриваемом этапе производства, продолжает играть важную роль в реализации функции уголовного преследования, принимая непосредственное участие в верном и законном разрешении тех процессуальных вопросов, которые стоят перед правоприменением.

Значимым является вопрос участия прокурора в разрешении вопроса о допустимости доказательств. Обращает на себя внимание положение ч. 4 ст. 235 УПК РФ, в соответствии с которым «при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего

Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре».

Как отмечается рядом специалистов, «сведения не способны стать доказательствами, если их получение (получение данных сведений) сопряжено с процессуальными нарушениями» [16, с. 264].

Данное требование связано с определением недопустимости доказательств, которые в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ, «не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения».

Непосредственно сам законодатель фактически не определяет, какие процессуальные нарушения делают сведения «недопустимым доказательством», однако, данный вопрос поднимается в судебной практике на уровне Пленума Верховного Суда РФ, который в Постановлении № 8 от 31.10.1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [42] и Постановлении № 55 от 29.01.2016 г. «О судебном приговоре» [41] указал на те процессуальные нарушения, которые могут повлечь признание доказательства недопустимым.

Как указывает А.А. Гридчин, «допустимость – это свойство доказательства, которое находит своё выражение в предписании соблюдения указаний УПК РФ относительно субъектов, источников, способов и процедуры собирания и процессуального закрепления фактических данных, что создаёт предпосылки использования полученной информации для установления истины по делу» [11, с. 139].

С учётом отмеченного, представляется целесообразным изменить ч. 1 ст. 75 УПК РФ, включив в неё уточнение, касающееся критериев недопустимости доказательств.

Данные критерии, по мнению исследователей, могут заключаться в получении сведений: «с нарушением процессуальных требований; не надлежащим субъектом; с нарушением правил собирания, проверки и

приобщения в качестве доказательств; из неустановленного законом источника или в сроки, не предусмотренные законом» [20, с. 33].

Как представляется, в контексте анализа реализации прокурором функции уголовного преследования на этапе предварительного слушания, указанное изменение уголовно-процессуальной нормы может помочь сформировать у прокурора более ясные ориентиры в вопросах доказывания – а именно возможности признания сведений недопустимыми для решения задач доказывания.

Также следует отметить необходимость организации подготовки конкретного должностного лица органов прокуратуры, участвующего на данной стадии производства по делу в процессуальном качестве прокурора, к участию в предстоящем судебном заседании. Такая подготовка должна стать информационной и организационной основой для эффективного осуществления государственного обвинения.

Не случайно в Приказе от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [43] Генеральным прокурором РФ указано, что «руководителям прокуратур необходимо назначать государственных обвинителей заблаговременно, чтобы они имели реальную возможность подготовиться к судебному разбирательству» (п. 4).

Информативная осведомлённость прокурора по делу – необходимая предпосылка для верной стратегии обвинения и реагирования на процессуальные действия процессуальных оппонентов.

Вполне очевидно, что такая осведомлённость – прерогатива должностного лица, в производстве которого находилось дело. Полноценное знание материалов уголовного дела, включая доказательственную базу, позволяет следователю (дознавателю) составить обоснованное обвинительное заключение (обвинительный акт, или обвинительное постановление). Но, что касается прокурора, поддерживающего государственное обвинение, то его знания материалов уголовного дела обуславливается субъективным фактором: а именно тем, насколько конкретный прокурор уделил внимание изучению

уголовного дела, в силу служебной занятости, а также его профессиональным опытом и знаниями.

Как указывают авторами «нередко прокурор – государственный обвинитель знаком с материалами уголовного дела лишь исходя из содержания обвинительного заключения. Большинство нюансов при таком подходе остаются вне поля внимания» [18, с. 85].

При нынешних установлениях УПК РФ государственный обвинитель без знания дела не сможет участвовать в процессе и должным образом реализовать своё назначение при рассмотрении дела в суде.

«Новации закона требуют от всех сотрудников органов прокуратуры, участвующих в судебном разбирательстве, высочайшей организации работы, профессионализма, личной ответственности. Активность и процессуальное мастерство государственного обвинителя в представлении и исследовании доказательств становится решающим фактором в обеспечении неотвратимости наказания за совершенное преступление» [35, с. 181] – указывается по данному вопросу в науке.

Следует помнить, что непосредственное выступление прокурора с обвинительной речью, подводящей итог осуществляемого уголовного преследования, происходит лишь после его участия в судебном следствии.

«Появление в судебном следствии новых доказательств, которых не было в предварительном расследовании, например, в связи с вызовом новых свидетелей по инициативе стороны защиты, может не только повлиять на выработанную предварительно стратегию участия в доказывании, но и повлиять на мнение прокурора относительно обоснованности обвинения как такового» [70, с. 122] – пишут в научных публикациях.

Далее, рассмотрим вопросы участия прокурора в судебном следствии, как составной части судебного разбирательства, где он продолжает поступательно реализовывать функцию уголовного преследования.

3.2 Деятельность прокурора по поддержанию обвинения в судебном следствии

Как справедливо отмечает В.А. Лазарева, «участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве является обязательным. Этого требует логика состязательного судопроизводства, в котором бремя доказывания обвинения лежит на обвинителе» [25, с. 25].

В судебном следствии прокурор, обладая процессуальной самостоятельностью, свободен, в том числе, в определении собственной, позиции по поддерживаемому государственному обвинению, содействуя привлечению к уголовной ответственности лица, действительно виновного в совершении инкриминируемого преступного деяния, реализуя тем самым функцию уголовного преследования.

Принцип свободы оценки доказательств, закреплённый в ст. 17 УПК РФ, лежит не только в основе деятельности суда, связанной с итоговой оценкой собранных по делу доказательств, но и в основе деятельности прокурора в судебном следствии, поскольку, в том числе, от реализации его официальной позиции зависит ход и результаты доказывания в суде.

Как верно указывает А.П. Лавренко, «принцип свободы оценки доказательств представляет собой оценку доказательств по внутреннему убеждению лица, которое, принимая процессуальное решение, учитывает неповторимую индивидуальность обстоятельств конкретного уголовного дела и каждого из имеющихся доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [23, с. 224].

Используемая законодателем формулировка ч. 1 ст. 17 УПК РФ возлагает на прокурора важную задачу следовать в своей процессуальной деятельности как нормативным установлениям, так и нравственным категориям, образующим уверенность прокурора в законности и объективной правильности поддержания государственного обвинения в отношении конкретного лица.

Закономерным следствием реализации данного принципа в деятельности прокурора в судебном следствии и его процессуальной самостоятельности, выступает право, адресованное анализируемому участнику уголовного судопроизводства и обозначенное в ч. 7 ст. 246 УПК РФ: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа».

Как отмечается учёными, «прокурор может отказаться от обвинения не только в тех случаях, когда доказательства не подтверждают обвинение, но и когда их явно недостаточно для того, чтобы сделать вывод о совершении преступления подсудимым и его виновности» [21, с. 10].

Данный вопрос находит своё отражение в Приказе Генпрокуратуры РФ от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [46], в котором, с частичным текстуальным воспроизведением положения ст. 17 УПК РФ, говорится о том, что «Исходить из того, что государственный обвинитель, руководствуясь законом и совестью, может отказаться от обвинения только после всестороннего исследования доказательств.» (п. 3.10 Приказа).

При этом, в указанном нормативном документе подчёркивается важная концептуальная основа анализируемого правомочия прокурора: «Учитывать, что отказ от уголовного преследования невиновных и их реабилитация в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и поддержание обоснованного обвинения» (п. 1.3 Приказа)

Несомненно, важным, видится замечание, включённое в анализируемый Приказ Генпрокуратуры РФ, в соответствии с которым предписывается: «Считать недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами» (п. 1.6 Приказа).

В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, отказ прокурора от обвинения безусловно влечёт прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части.

Как верно отмечается в науке, «отказ прокурора от обвинения обязателен для суда, который должен вынести постановление о прекращении уголовного дела» [36].

При этом, отдельные авторы высказываются критически: «толкование ч. 7 ст. 246 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что точка зрения потерпевшего в случае отказа прокурора от обвинения не учитывается, что противоречит п. 16 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, в котором обозначено правомочие потерпевшего поддерживать обвинение» [67, с. 831].

Отдельные авторы высказываются ещё более категорично: «потерпевший оказывается в ситуации фактического лишения права на правосудие, а сам суд оказывается в ситуации, в которой это самое правосудие он не может вершить» [65, с. 99].

В правоприменительной практике также не обходится без сложностей. Приведём пример из материалов судебной практики по г. Тольятти: «в ходе рассмотрения 20 сентября 2017 года Автозаводским районным судом г. Тольятти Самарской области уголовного дела в отношении С. и К., обвинявшихся в применении насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении работника полиции, государственный обвинитель, убедившись в невиновности подсудимых в совершении инкриминируемых им деяний, в полном объеме отказался от обвинения. Позиция прокурора была достаточно мотивирована, им были представлены соответствующие формулировки в порядке ч. 7 ст. 292 УПК РФ. Потерпевший был категорически не согласен с позицией обвинения, о чем крайне эмоционально заявил в своем выступлении в судебных прениях. Несмотря на то, что позиции потерпевшего и государственного обвинителя не совпадали, судом было принято решение о прекращении уголовного преследования в соответствии с ч. 1 ст. 239 УПК РФ» [32].

По данному вопросу, с учётом его дискуссионности, есть соответствующая правовая позиция Конституционного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ в своём Постановлении от 08.12.2003 г. № 18-П [38] дал разъяснение о том, что «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде» (п. 3).

Таким образом, высказывания об отсутствии должной защищённости интересов потерпевшего при реализации на практике института отказа от обвинения, вряд ли можно признать состоятельными.

В первую очередь причиной тому является требование законодателя, адресованное прокурору, относительно необходимости обоснования такого решения. Не мотивированный, не имеющий в своей основе фактического обоснования отказ обвинителя недопустим, что однозначно подчёркивается, в том числе, на уровне уже упомянутого ранее руководящего акта органов прокуратуры – Приказа Генпрокуратуры РФ от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»: «Мотивированные отказ от обвинения, изменение обвинения в сторону смягчения представлять суду в письменной форме» (п. 3.10 Приказа).

Таким образом, обоснование принятого прокурором решения должно быть должным образом зафиксировано, что создаёт дополнительные гарантии обоснованности, соответствия фактическим обстоятельствам конкретного дела, отказа прокурора от государственного обвинения.

В публикациях находят своё отражение и иные взгляды на проблему – диаметрально противоположные.

Вряд ли можно согласиться в этом плане с точкой зрения Ф.М. Ягофарова: «Нам непонятно, почему государственный обвинитель, отказываясь от поддержания обвинения в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ, обязан изложить суду мотивы своего отказа. Неужели для того, чтобы доказать суду обоснованность заявленного отказа? А если суд не согласится с доводами прокурора, он что, вправе обязать последнего к поддержанию государственного обвинения? Объяснение прокурором суду мотивов своего отказа не только нецелесообразно, но и, по нашему мнению, противоправно, поскольку в таком случае прокурор ставится в положение лица, «оправдывающегося» или «извиняющегося» перед судом за заявленный отказ от обвинения» [68, с. 19].

На вышеназванное нормативное требование не стоит смотреть так ограниченно – прокурор, являясь объективным и профессиональным участником уголовного судопроизводства, всего лишь излагает обоснование принимаемого процессуального решения.

При этом, прокурор, тем самым, способствует реализации назначения уголовного судопроизводства в иной его составляющей, что закреплена в ч. 2 ст. 6 УПК РФ: «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания».

Очевидно, что обоснованный отказ прокурора от поддержания необоснованного обвинения – есть реализация его функции, связанной с осуществлением уголовного преследования.

Таким образом, в науке высказывается целый спектр различных, порой, прямо противоположных мнений, что в очередной раз подтверждает дискуссионность анализируемого института и обуславливает необходимость создания единой непротиворечивой концептуальной основы его применения.

В этих целях, для создания дополнительных гарантий защиты интересов потерпевшего, в контексте решения прокурора об отказе от обвинения, представляется целесообразным формулирование соответствующих разъяснений на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

В науке есть предложения внесения изменений в текст ч. 7 ст. 246 УПК РФ следующего содержания: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства, при условии согласия потерпевшего, влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса.

При отсутствии согласия потерпевшего судебное рассмотрение дела продолжается, позиция прокурора учитывается при вынесении судом судебного решения» [14, с. 9].

Однако, такая нормативная корректировка уголовно-процессуальной нормы вряд ли целесообразна. Дело в том, что С.П. Ефименко исходит из предположительно необъективного (и, как следствие, непрофессионального) решения прокурора, с одной стороны, и всецело обоснованного мнения потерпевшего, чья позиция вступает в противоречие с позицией государственного обвинителя.

Однако, априори, прокурор, будучи должностным лицом, и действующим в силу профессионального долга, должен быть объективным и беспристрастным во всех аспектах, связанных с реализацией своих властных полномочий.

Потерпевший же наоборот – пристрастен, ибо преступлением именно ему причинён ущерб. Кроме того, потерпевший, по умолчанию, лицо, не

обладающее юридическими познаниями. Его позиция, вероятнее всего, может быть основана на эмоциях.

Тем не менее, позицию потерпевшего следует донести до сведения суда, который, в свою очередь, вправе учесть таковую в общем контексте оценки обоснованности отказа прокурора от обвинения, что соотносится с приведённой выше правовой позицией Конституционного Суда РФ: «вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты».

Для того, чтобы создать соответствующий акцент и подчеркнуть данное обстоятельство, в ч. 7 ст. 246 УПК РФ можно внести следующее изменение, сформулировав норму так: «Если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, то он отказывается от обвинения и излагает суду мотивы отказа. Вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 настоящего Кодекса».

«С одной стороны, в результате отказа прокурора от уголовного преследования, могут быть нарушены интересы потерпевшего, но у всего есть и обратная сторона, ведь, не все прокуроры, поддерживающие государственное обвинение, могут решиться на отказ поддерживать выдвинутое обвинение» [22, с. 205] – как пишут некоторые учёные и практики.

Как пишет Ю.В. Корневский, для обвинителя самое главное «осознать свою роль, общественную значимость своей деятельности, чувствовать себя не чиновником, обязанным отстаивать ведомственную позицию, а полноправным участником правосудия, призванным способствовать осуществлению этой важнейшей государственной функции» [17, с. 46].

И, конечно же, прокурор, реализуя функцию уголовного преследования, должен в не меньшей степени, чем суд, быть заинтересованным в привлечении к ответственности действительно виновного лица, выступая объективным носителем властных полномочий, использование которых должно служить идеям справедливости. Как верно подчёркивается И. Демидовым и А. Тушевым, «прокурор должен подходить к вопросу отказа от обвинения очень вдумчиво и профессионально, поскольку, цена ошибки при необоснованном отказе от обвинения может быть высока» [12, с. 25].

В этих целях в органах прокуратуры должно уделяться внимание поддержанию соответствующей профессиональной квалификации прокуроров, как базовой основы для поддержания объективного и законного обвинения.

3.3 Участие прокурора в судебных прениях

«Судебные прения – весьма значимая составляющая судебного разбирательства, в рамках которой со своих позиций стороны подводят основные общие итоги завершившегося судебного следствия» [64, с. 30] – отмечается исследователями.

Выступление прокурора на данном этапе судебного разбирательства должно подводить закономерный итог уголовного преследования, формулируя итоговый тезис о виновности подсудимого в совершении противоправного посягательства.

Как видится, именно на этапе судебного разбирательства дела судом первой инстанции полноценно реализуется принцип состязательности – один

обосновывающий одну из базовых идей построения правосудия в Российской Федерации.

Законодатель не предъявляет конкретных требований, связанных с критериями качества обвинительная речь прокурора, но представляется, что такое выступление должно быть грамотным, информативным и убедительным.

Как отмечается авторами, «владение навыками судебного красноречия не свойственно в полной мере сотрудникам правоохранительной системы, а ведь именно подача фактических данных в своём выступлении во многом влияет на восприятие соответствующей информации судом, воздействуя на формирование того самого внутреннего убеждения, основанного на законе и совести» [1, с. 67].

Как отмечается некоторыми специалистами, «прокуроры, которым делегировано поддержание государственного обвинения в суде, предпочитают избегать подготовки текстов обвинительных речей в силу большой текущей занятости. Сказывается также привычка полагаться на судью, который больше доверяет аргументам объективного прокурора, чем адвоката, что в принципе не согласуется с местом и ролью суда в уголовном процессе» [18, с. 86].

Такая позиция слишком самоуверенна и потенциально может привести к снижению эффективности участия прокурора в обозначенной стадии.

Следует согласиться с В.А. Лазаревой в том, что любая заранее определенная структура речи, «есть шаблон, избежать которого можно, лишь предоставив оратору право самостоятельно определять содержание и структуру своего выступления, подчиняя их преследуемым в данном процессе целям» [26, с. 83].

По мнению К.Ф. Амирова, «прокурор должен найти ту особенность дела, которой должна быть подчинена задача доказывания, всё ее содержание направляется на обоснование виновности подсудимого в совершении преступления, правильности предъявленного ему обвинения, его законности и

обоснованности. Виновность подсудимого - главный элемент обвинительной речи, подчиняющий себе все ее основное содержание и предопределяющий ее структуру» [3, с. 78].

УПК РФ предусматривает определённый порядок в последовательности выступлений участников процесса – в соответствии с ч. 3 ст. 292 УПК РФ «первым во всех случаях выступает обвинитель», что, по мнению отдельных исследователей, «дает прокурору определённое выигрышное преимущество, относительно стороны защиты, но при этом и создаёт дополнительные трудности» [28, с. 87].

Сама последовательность представления в своём выступлении сведений по делу и их интерпретация относится к усмотрению прокурора. Тем не менее, отдельные авторы считают, что «для достижения максимальной эффективности, государственному обвинителю при подготовке выступлений по сложным многотомным уголовным делам стоит учитывать ряд моментов» [34, с. 82].

Должная систематизация информативных сведений по уголовному делу выступает важной основой качественного публичного выступления прокурора в прениях.

«Когда подсудимому инкриминируется несколько преступных деяний, доказательства следует группировать поэпизодно» [33, с. 28] – рекомендует И.И. Мельников.

На этапе прений, прокурору следует уделить своё внимание постановке перед судом, рассматривающим и разрешающим дело по существу, вопроса о справедливом и соразмерном содеянному наказании, оставаясь объективным в реализации функции уголовного преследования на завершающих этапах её реализации в судебном заседании.

Соответственно, «прокурору следует тщательно взвесить все доводы и высказать в своей речи соображения относительно справедливого вида, срока и условий отбывания наказания, которое суду предстоит определить в отношении подсудимого» [28, с. 87].

А.В. Боровков и Н.И. Улесов полагают, что «текст выступления в судебных прениях прокурору не следует читать с листа, поскольку это лишит выступление необходимой экспрессивности и снизит его убедительности» [7, с. 112].

Тем не менее, прокурору стоит предварительно составлять перечень базовых тезисов своей публичной речи, что будет способствовать систематизации выступления, сообразно поставленным задачам.

Завершая исследование вопросов в рамках третьей главы исследования, сделаем следующие выводы.

Главенствующая роль в судебном производстве в целом и на этапе подготовки дела к судебному разбирательству в частности, принадлежит суду, как наделённому исключительными процессуальными возможностями, связанными с реализацией назначения уголовного судопроизводства.

Однако, прокурор на рассматриваемом этапе производства, продолжает играть важную роль в реализации функции уголовного преследования, принимая непосредственное участие в верном и законном разрешении тех процессуальных вопросов, которые стоят перед правоприменением.

Следует отметить необходимость организации подготовки конкретного должностного лица органов прокуратуры, участвующего на данной стадии производства по делу в процессуальном качестве прокурора, к участию в предстоящем судебном заседании. Такая подготовка должна стать информационной и организационной основой для эффективного осуществления государственного обвинения.

Информативная осведомлённость прокурора по делу – необходимая предпосылка для верной стратегии обвинения и реагирования на процессуальные действия процессуальных оппонентов.

Вполне очевидно, что такая осведомлённость – прерогатива должностного лица, в производстве которого находилось дело. Полноценное знание материалов уголовного дела, включая доказательственную базу, позволяет следователю (дознавателю) составить обоснованное обвинительное

заключение (обвинительный акт, или обвинительное постановление). Но, что касается прокурора, поддерживающего государственное обвинение, то его знания материалов уголовного дела обуславливается субъективным фактором: а именно тем, насколько конкретный прокурор уделил внимание изучению уголовного дела, в силу служебной занятости, а также его профессиональным опытом и знаниями.

В судебном следствии прокурор, обладая процессуальной самостоятельностью, свободен, в том числе, в определении собственной, позиции по поддерживаемому государственному обвинению, содействуя привлечению к уголовной ответственности лица, действительно виновного в совершении инкриминируемого преступного деяния, реализуя тем самым функцию уголовного преследования.

Будучи субъект доказывания, прокурор должен при оценке доказательств руководствоваться законом и совестью, что возлагает на него важную задачу следовать в своей процессуальной деятельности как нормативным установлениям, так и нравственным категориям, образующим уверенность прокурора в законности и объективной правильности поддержания государственного обвинения в отношении конкретного лица.

Закономерным следствием реализации данного принципа в деятельности прокурора в судебном следствии и его процессуальной самостоятельности, выступает право отказа от государственного обвинения, адресованное анализируемому участнику уголовного судопроизводства.

Высказывания в науке об отсутствии должной защищённости интересов потерпевшего при реализации на практике института отказа от обвинения, вряд ли можно признать состоятельными.

В первую очередь причиной тому является требование законодателя, адресованное прокурору, относительно необходимости обоснования такого решения. Не мотивированный, не имеющий в своей основе фактического обоснования отказ обвинителя недопустим, что однозначно подчёркивается, в том числе, на уровне руководящих актов органов прокуратуры.

Кроме того, обоснование принятого прокурором решения должно быть должным образом зафиксировано, что создаёт дополнительные гарантии обоснованности, соответствия фактическим обстоятельствам конкретного дела, отказа прокурора от государственного обвинения.

Очевидно, что обоснованный отказ прокурора от поддержания необоснованного обвинения – есть реализация его функции, связанной с осуществлением уголовного преследования.

Таким образом, в науке высказывается целый спектр различных, порой, прямо противоположных мнений, что в очередной раз подтверждает дискуссионность анализируемого института и обуславливает необходимость создания единой непротиворечивой концептуальной основы его применения.

В этих целях, для создания дополнительных процессуальных гарантий, следует сформулировать разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Выступление прокурора в судебных прениях должно подводить закономерный итог уголовного преследования, формулируя итоговый тезис о виновности подсудимого в совершении противоправного посягательства.

На этапе прений, прокурору следует уделить своё внимание постановке перед судом, рассматривающим и разрешающим дело по существу, вопроса о справедливом и соразмерном содеянному наказании, оставаясь объективным в реализации функции уголовного преследования на завершающих этапах её реализации в судебном заседании.

Заключение

Завершая исследование, подведём его общие итоги и сформулируем следующие выводы.

Процессуальная фигура прокурора в отечественном уголовно-процессуальном праве всегда привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей, в силу своей значимости, которая красной нитью пронизывает уголовно-процессуальное регулирование как советского, так и постсоветского уголовного судопроизводства.

При этом, уголовно-процессуальное регулирование, связанное с регламентацией роли и положения прокурора в досудебном и судебном производстве, нередко подвергалось нормативным изменениям со стороны законодателя, что вызывает соответствующую реакцию со стороны уголовно-процессуальной науки, в контексте единообразного понимания и толкования того функционала, которым располагает указанный участник уголовно-процессуальных отношений.

Поскольку уголовно-процессуальная функция в науке и практике рассматривается в качестве предопределяющей в уяснении общего вектора уголовно-процессуальной деятельности соответствующего участника уголовного судопроизводства, функциям прокурора обоснованно уделяется необходимое внимание во многих работах, посвящённых месту и роли прокурора среди иных субъектов уголовного процесса.

Функции прокурора, о которых последовательно ведёт речь законодатель, именуются уголовное преследование и надзор за соблюдением законности. Вопрос о том, какая из них является превалирующей и правомерно ли выделять иные (дополнительные) функции в деятельности прокурора – остаётся открытым.

Таким образом, сущностное содержание анализируемого института уголовного преследования предопределяется отношениями, которые возникают в ходе инициации производства по уголовному делу и его

расследовании, направленном на доказывание всех составляющих предмета преступления. В качестве своего закономерного итога, уголовное преследование предполагает формулирование обвинительного тезиса и поддержания его в суде.

Значимость функции уголовного преследования вряд ли подлежит сомнению. Примечательно, что законодатель не только включил нормативное определение данной категории в текст УПК РФ, но и посвятил институту уголовного преследования отдельную одноимённую главу.

Процессуальные функции прокурора получают своё реальное воплощение в правоприменительной практике посредством предусмотренных законом полномочий.

Вопрос наличия у прокурора непосредственного комплекса полномочий, направленных на реализацию функции уголовного преследования, неоднозначным образом определяется в науке, ввиду того, что при изменении концепции прокурорских полномочий в уголовном судопроизводстве и внесении существенных корректировок в нормы УПК РФ, произошло значительное сокращение процессуального инструментария прокурора именно касательно уголовного преследования.

Ряд полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, реализуются им непосредственно, а отдельные полномочия имеют опосредованную (например, через следователя или дознавателя) форму реализации.

Насколько эффективна такая опосредованная форма – вопрос открытый. Показательным является то, что даже по прошествии 15 лет с момента сокращения процессуальных полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве, со страниц научных публикаций продолжают звучать призывы о восстановлении, как минимум, части из утраченных им полномочий, для более эффективного участия прокурора, как значимой процессуальной фигуры уголовно-процессуальной деятельности, в достижении задач, связанных с уголовным преследованием.

Представляется, что ряд утраченных прокурором процессуальных возможностей ушло из процессуального русла в фактическую плоскость неофициального, но и не противоречащего закону, организационного взаимодействия прокурора со следователем и дознавателем.

Это может говорить только о востребованности соответствующего процессуального инструментария прокурора, раз ввиду его отсутствия имеет место не предусмотренное законодательно взаимодействие участников уголовно-процессуальной деятельности.

Существующий процессуальный механизм урегулирования разногласий между следственным органом и прокурором включает в себя сложную и многоступенчатую процедуру, создающую бюрократические проволочки.

Процессуальная регламентация полномочий прокурора, связанных с уголовным преследованием, не является совершенной и не нуждающейся в корректировке, что актуализирует со стороны многих авторов поиск эффективных путей по совершенствованию уголовно-процессуального регулирования.

В частности, заслуживают вдумчивого анализа предложения, направленные на восстановление у прокурора права самостоятельного возбуждения уголовного дела, ввиду критики существующих на данный момент нормативных положений, позволяющих прокурору опосредованно участвовать в этом важном процессуальном решении.

Что касается вопроса реагирования прокурором на процессуальные нарушения со стороны следователя или дознавателя, связанные с осуществлением уголовного преследования, то имеющийся на данный момент процессуальный порядок, предполагающий возможность вынесения прокурором соответствующего требования, можно расценивать как удовлетворительный и действенный.

Определённые сомнения же вызывает существующий процессуальный механизм обжалования следователем требований прокурора, анализируемый и критикуемый специалистами.

Решение может заключаться в законодательной корректировке существующего порядка: обжалование следователем требования прокурора не должно останавливать его исполнение.

Очевидно, что для повышения эффективности реализации функции прокурора, связанной с уголовным преследованием, существующие полномочия прокурора следует скорректировать.

Также обращает на себя внимание отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве перечня оснований отказа в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, несмотря на то, что отказ в удовлетворении соответствующего ходатайства должен быть мотивированным – но что должно лежать в основе такой мотивировки, не сформулировано законодателем даже приблизительно.

Функциональный инструментарий, которым обладает прокурор, позволяет обеспечивать законное и обоснованное применение анализируемого института досудебного соглашения о сотрудничестве и создавая условия для законного и обоснованного привлечения виновного к уголовной ответственности.

Главенствующая роль в судебном производстве в целом и на этапе подготовки дела к судебному разбирательству в частности, принадлежит суду, как единственному субъекту, наделённому правом рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу, реализовав тем самым назначение уголовного судопроизводства.

Однако, прокурор на рассматриваемом этапе производства, продолжает играть важную роль в реализации функции уголовного преследования, принимая непосредственное участие в верном и законном разрешении тех процессуальных вопросов, которые стоят перед правоприменением.

Следует отметить необходимость организации подготовки конкретного должностного лица органов прокуратуры, участвующего на данной стадии производства по делу в процессуальном качестве прокурора, к участию в предстоящем судебном заседании. Такая подготовка должна стать

информационной и организационной основой для эффективного осуществления государственного обвинения.

В судебном следствии прокурор, обладая процессуальной самостоятельностью, свободен, в том числе, в определении собственной, позиции по поддерживаемому государственному обвинению, содействуя привлечению к уголовной ответственности лица, действительно виновного в совершении инкриминируемого преступного деяния, реализуя тем самым функцию уголовного преследования.

Будучи субъект доказывания, прокурор должен при оценке доказательств руководствоваться законом и совестью, что возлагает на него важную задачу следовать в своей процессуальной деятельности как нормативным установлениям, так и нравственным категориям, образующим уверенность прокурора в законности и объективной правильности поддержания государственного обвинения в отношении конкретного лица.

Закономерным следствием реализации данного принципа в деятельности прокурора в судебном следствии и его процессуальной самостоятельности, выступает право отказа от государственного обвинения, адресованное анализируемому участнику уголовного судопроизводства.

Высказывания в науке об отсутствии должной защищённости интересов потерпевшего при реализации на практике института отказа от обвинения, вряд ли можно признать состоятельными.

В первую очередь причиной тому является требование законодателя, адресованное прокурору, относительно необходимости обоснования такого решения. Не мотивированный, не имеющий в своей основе фактического обоснования отказ обвинителя недопустим, что однозначно подчёркивается, в том числе, на уровне руководящих актов органов прокуратуры.

Кроме того, должное обоснование принятого прокурором процессуального решения должно быть должным образом зафиксировано, что создаёт дополнительные гарантии обоснованности, соответствия фактическим

обстоятельствам конкретного дела, отказа прокурора от государственного обвинения.

Очевидно, что обоснованный отказ прокурора от поддержания необоснованного обвинения – есть реализация его функции, связанной с осуществлением уголовного преследования.

Таким образом, в науке высказывается целый спектр различных, порой, прямо противоположных мнений, что в очередной раз подтверждает дискуссионность анализируемого института и обуславливает необходимость создания единой непротиворечивой концептуальной основы его применения. В этих целях, для создания дополнительных гарантий, следует сформулировать разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда РФ.

Итак, законодательная регламентация полномочий прокурора, направленных на реализацию функций уголовного преследования, должна продолжать совершенствоваться. Только в этом случае можно надеяться на повышение эффективности достижения целей уголовного судопроизводства и полноценной реализации того потенциала, которым обладает прокурор, реализующий своё назначение в условиях демократического государства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агаронова Э.Э. К вопросу об эффективном использовании языковых средств в публичном выступлении прокурора // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 67-69.
2. Алексеев С.Н. Надзор за законностью предварительного расследования как форма государственной защиты прав и свобод человека // Право и политика. 2001. № 10. С. 101-105.
3. Амиров К.Ф. Речи государственных обвинителей: Метод. материалы. Вып. 3. Казань : Мастер Лайн, 2002. 346 с.
4. Багаутдинов Ф.Н., Нафиков И.С. Актуальные вопросы реализации в уголовном судопроизводстве досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2015. № 11. С. 32-35.
5. Баев О.Я. Следователь как адресант прокурора; прокурор как адресат следователя и адресант суда // Библиотека криминалиста. 2017. № 2 (31). С. 61-68.
6. Басков В.И. Теоретические проблемы прокурорского надзора за законностью рассмотрения судами уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. 45 с.
7. Боровков А.В., Улесов Н.И. Этические аспекты обвинительной речи в суде // Законность и правопорядок в современном обществе: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014. С. 112-115.
8. Вилкова Т.Ю. К вопросу о роли прокурора в возбуждении уголовного дела и инициировании уголовного преследования // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2021. № 7 (176). С. 85-94.
9. Горюнов В.Е., Алимпьев М.А. О роли прокурора в досудебных стадиях // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2019. № 2. С. 9-23.

10. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Калинин В.Н. Процессуальная регламентация предварительного расследования в результате реформы 2007 года // Государство и право. 2008. № 6. С. 48-58.
11. Гридчин А.А. Вопросы допустимости доказательств на предварительном следствии. Ставрополь, 2000. 160 с.
12. Демидов И., Тушев А. Отказ прокурора от обвинения // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 25-27.
13. Дореволюционные юристы о прокуратуре (сборник статей) / Науч. ред.-сост. С.М. Казанцев. СПб., 2001. 321 с.
14. Ефименко С.П. Отказ прокурора от обвинения при несогласии потерпевшего // Законность. 2011. № 10. С. 7-12.
15. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2008. 50 с.
16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. А.А. Чекалина. М.: Экзамен, 2006. 673 с.
17. Корневский Ю.В. Проблемы государственного обвинения в условиях судебной реформы // Судебная реформа и проблемы уголовного судопроизводства. Сб. научных трудов. М., 1995. С. 43-51.
18. Коршунова О.Н., Кулик Н.В. Подготовка прокурора к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Юридическая мысль. 2012. № 2 (70). С. 85-92.
19. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Процессуальное руководство прокурором уголовным преследованием от имени государства – принцип уголовного судопроизводства // Законность. 2019. № 2 (1012). С. 38-42.
20. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в досудебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. М. : Норма, 2010. 215 с.

21. Курочкина Л.А. Проблема обеспечения прокурором прав участников судебного разбирательства: автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.
22. Лавнов М.А. Современная модель отказа прокурора от обвинения и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95). С. 204-208.
23. Лавренко А.П. Понятие, содержание и значение принципа свободы оценки доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 2. С. 224-227.
24. Лазарева В.А. Вопрос о соотношении предварительного расследования и судебного разбирательства в свете состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования: Сборник научных статей. Самара, 2007. С. 386-397.
25. Лазарева В.А. Прокурор в уголовном процессе: Учебное пособие / В.А. Лазарева. Самара: изд-во «Самарский университет», 2010. 215 с.
26. Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. 187 с.
27. Ларин А.М. Функция процессуального руководства и прокурорский надзор в стадии предварительного следствия // Развитие и совершенствование уголовно-процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 74-77.
28. Левченко О.В. Внутреннее убеждение как метод оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 2013. № 2 (78). С. 87-90.
29. Лукожев Х.М. Понятие «обвинение» и «уголовное преследование» по УПК РФ // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность. Воронеж, 2006. С. 426-430.
30. Магомедов М.А. Доктринальная модель и система полномочий прокурора в российской федерации // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 215-218.

31. Манова Н.С., Лавнов М.А., Чурикова А.Ю. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 40-53.

32. Материалы Уголовного дела № 1-159/17 // Архив Автозаводского районного суда г. Тольятти.

33. Мельников И.И. Судебная речь. Для участников прений сторон по уголовным делам. М. : Право, 2013. 512 с.

34. Миронов В.Д. Реализация полномочий прокурора в ходе прений сторон по уголовным делам в суде первой инстанции // Конституционные чтения: Актуальные проблемы науки конституционного права: Совершенствование федеративного устройства России, органов государственной власти и местного самоуправления. Вып. 4. Воронеж, 2008. С. 81-93.

35. Налимов Г.И. Подготовка государственного обвинителя к участию в судебном разбирательстве // Вестник Пермского государственного университета. 2007. № 8. С. 180-186.

36. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за II квартал 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 1.

37. Полякова И.И. Особенности полномочий прокурора и следователя при применении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 4. Т. 2. С. 126-129.

38. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2007.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 9, сентябрь, 2012

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2017.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

43. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».

44. Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. 2017. № 3

45. Приказ Генпрокуратуры РФ от 15.03.2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6.

46. Приказ Генпрокуратуры РФ от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС «Консультант плюс».

47. Рагулин А.В. О необходимости расширения полномочий прокурора как участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2017. № 4 (29). С. 53-58.

48. Рябенко И.К. Прокурор в уголовном судопроизводстве: пути совершенствования процессуального статуса // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 6. Вып. 4. С. 54-57.

49. Рябинина Т.К. О функциях прокурора в уголовном процессе: дискуссия продолжается // Уголовное судопроизводство. 2007. № 2. С. 18-25.

50. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М., 1971. 343 с.

51. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.

52. Трухачев В.В., Ахмедов У.Н.О. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 195-202.

53. Тугутов Б.А. Уголовно-процессуальные функции: понятие и содержание // Российский судья. 2014. № 7. С. 28-31.

54. Тугутов Б.А., Прушинский Д.И. Классификация полномочий прокурора в суде по уголовным делам // Сибирский юридический вестник. 2019. № 3 (86). С. 86-91.

55. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

56. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

57. Фадеев П.В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства / под ред. О.А. Зайцева. - М. : Юрлитинформ, 2014. 278 с.

58. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

59. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1992. № 47. Ст. 4472

60. Халиулин А.Г. Уголовно-процессуальное законодательство России о деятельности прокурора // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 84-96.

61. Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 46 с.

62. Цапаева Т.Ю. Участие прокурора в доказывании на предварительном следствии. Самара, 2004. 140 с.

63. Чурикова А.Ю. Осуществление прокурором уголовного преследования в досудебном производстве // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 74-78.

64. Шакитько Р.В. Роль судебных прений в российском гражданском судопроизводстве: исторический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 9. С. 29-37.

65. Шамоева М.Р. Проблема защиты прав потерпевшего при отказе прокурора от обвинения // Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2014. С. 95-105.

66. Шевчук А.Н. Вопросы совершенствования полномочий прокурора по осуществлению уголовного преследования // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2017. Вып. 3 (774). С. 189-194.

67. Юсупкадиева С.Н. Отказ прокурора от обвинения // Научные труды РАЮН. Вып. 13: в 2 т. Т. 2. - М.: Юрист, 2013. С. 831-835.

68. Ягофаров Ф.М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции. Оренбург, 2003. 22 с.

69. Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве. Сборник научных трудов. М., 1980. С. 15-32.

70. Якушева Т.В. Полномочия государственного обвинителя в судебном следствии // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 3 (101). С. 121-124.